

О.А. Теуш

**НОВЫЕ ДАННЫЕ
О ЗАИМСТВОВАНИЯХ ИЗ КОМИ ЯЗЫКА
В ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ
РУССКОГО СЕВЕРА**

Согласно классической работе Я. Калимы, посвященной заимствованиям из коми в лексике севернорусских говоров, коми влияние на формирование географической терминологии Русского Севера представляется незначительным: Я. Калима полагает возможной коми этимологию для 16 лексем, из которых впоследствии интерпретированными надежно признаются только 11¹. Осложняет ситуацию то, что из этих слов 50% являются архаизмами XIX в., не сохранившимися в современном употреблении. Возможно, в момент записи лексем, коми население еще проживало на некоторых территориях Русского Севера, и собиратели могли зафиксировать слово в русской речи коми². К фактам, не относящимся к коми заимствованиям в русском языке, можно отнести, например, лексему *видэз* ‘сено-косная земля, луг’ (Арх: Мез) (Подвысоцкий, 128) по фонетическим причинам (< коми *видз* ‘луг, покос, пожня’³, показателем иноязычности является отсутствие фонетической адаптации конца слова: в русском следовало бы, скорее, ожидать *визь).

Представления об архаизмах коми происхождения могут быть незначительно расширены. К таковым можно отнести слово *бúжать* ‘яма, из которой добывают камень, песок и пр.’ (Арх), ср. *бужать* ‘рыть песок или глину; ломать из земли камень’ (Арх) (Даль² I, 137). Оба диалектизма даны в словаре В.И. Даля со знаком вопроса. Реальность существования лексем в русских говорах подтверждается возможностью заимствования из коми *ым*., *луз*., *н.-вычег.*, ср.-*сысол.* *бужёд*, *в.-вычег.* *буджед* ‘обрыв, обвал, осыпь’, *ым*., *ижем*., *луз.-лет.*, *н.-вычег.*, *печор.*, *присыктыв.*, ср.-*сысол.*, *удор.* *буждыны*, *в.-вычег.* *будждіні* ‘обвалиться, осыпаться’, *луз.*, *печор.*, *присыктыв.*, ср.-*сысол.* *буждёдны*, *в.-вычег.* *будждэдні* ‘обвалить, произвести обвал’⁴. Финаль существительного *бúжать* отражает адаптацию коми суф. *-öd*. Коми происхождение можно предполагать и для *ниэзь* ‘луг в низине’ (Влг: Ярен) (СРНГ 21, 327), которое, возможно, связано с коми *ниэз* ‘влажный; сырой; волглый’, ‘вязкий’⁵ или *ниэз* ‘низкий, пологий, покатый’⁶, а не с рус. *ниэзь*, как полагает собиратель (А. Протопопов, 1853 г.): “вероятно, вместо низи, которые вместе с прочими травянистыми местами входили в состав поскотины, луговые низменности” (СРНГ 21, 327). Эти интерпретации, однако, не меняют общей картины: складывается пред-

ставление о том, что только единичные севернорусские лексемы с географической семантикой имеют коми источники.

Исследование новых материалов по севернорусским диалектам, прежде всего, лексики, зафиксированной в говорах Русского Севера Топонимической экспедицией Уральского университета, позволяет расширить представления о коми влиянии на севернорусскую географическую терминологию и показывает, что коми-русское взаимодействие в этой сфере пока изучено крайне недостаточно. Ряд новых лексем, ранее не интерпретировавшихся в связи с коми материалом, был выявлен нами в ходе работы над “Материалами для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера”: *азянка* ‘сырое, вязкое место’ (Влг: К-Г) (Сл. русского Севера I, 13) (< коми,ср. луз. *adz* ‘луг’⁷, луз. *ad'z* ‘хороший сухой луг’⁸, диал. *adz* ‘пойма (реки)’⁹, луз.-лет., ср.-сысол. *adz* ‘пойма’, в.-вычег. ‘прорубь’¹⁰); *вожка*, уменыш. *воженька* ‘тропинка’ (Арх: Леш) (Сл. русского Севера II, 143) (< коми *вож* ‘ответвление, отросток, отпрыск, побег’, ‘развилина, развилка, приток’, *вожка* ‘развилина, рогулина, рогуля’¹¹); *вотник* ‘сырая низменность, поросшая мелким лесом, кустарником’ (Арх: Лен) (Сл. русского Севера II, 192), *вотник* ‘сырое низкое место, поросшее кустарником, особенно ивовым’ (Влг: Ярен) (СРНГ 5, 159) (связано с коми *вотны* ‘собирать, сбрать, набирать, рвать, нарвать (напр., ягоды, грибы)’, *вотёс* ‘ягода’ (Лыткин-Гуляев, 64), *вотёсан* ‘ягодник’, *вотчанін* ‘место сбора ягод, грибов’¹²).

В настоящей статье мы бы хотели предложить еще ряд интерпретаций, позволяющих в значительной мере изменить представления о коми элементах в географической терминологии Русского Севера.

1. *Бухrá, бухrá-сохrá* ‘труднопроходимый лес (густой, сырой, с буреломом)’, *бухrá* ‘бурелом’ (Арх: Вил), ср. *бúхра-бáхра* ‘домовой’ (Арх: Уст) (Сл. русского Севера I, 237).

О.В. Мищенко предлагала рассматривать эту лексему в качестве ономатопоэтической: “Узость ареала распространения, нетипичный для заимствования фонетический облик (начальный *б*), отсутствие фонетических вариантов и экспрессивный характер реалии позволяют предположить для него позднее ономатопоэтическое происхождение на базе заимствованной идеограммы. Фонетический облик слова определен, видимо, рифмованностью со словом *сохра* и влиянием экспрессивного корня *бух-*. (Об экспрессивности этого корня см. (ЭССЯ 3, 101))”¹³. Однако то, что слово чаще встречается в нерифмованном сочетании, а также употребление слова в двух различных по смыслу рифмованных сочетаниях, заставляют предполагать его первоначальную полнозначность и позволяют искать иные возможности интерпретации.

Лексема находит соответствие в коми язъв. *букра* ‘косматый, распущенный’¹⁴. Семантика коми лексемы объясняет различие значений русских слов: ‘косматый’ > ‘домовой (мифическое существо)’, ‘косматый’ > ‘густой, с буреломом (о лесе)’ (ср. *хохлушник* ‘заросли низкого суковатого леса’ при *хохлатый* ‘развесистый, раскидистый (о лесе, дереве)’ (Карт. Сл. русского Севера)). Переход *kr* > *xr* мог произойти на русской почве, ср. *букрёха* > *бухрёха* ‘мелкая рыба’, *букля* > *бухля* ‘провисшая мешком часть невода, сети’ (Карт. Сл. русского Севера); для *бухра* ‘труднопроходимый лес (густой, сырой, с буреломом)’, ‘бурелом’ не исключено влияние *сохра* ‘труднопроходимый лес’, тем более что зафиксировано употребление слова в рифмованном сочетании *бухра-сохра*. Предложенное сопоставление осложняется, однако, тем, что коми язъв. *букра* этимологически не разработано и не обнаруживает параллелей в других коми диалектах.

2. *Кизевель* ‘мелкий кустарник’ (Влг: Тарн) (Карт. Сл. русского Севера).

Контекст, в котором зафиксировано слово (“Янгу по кингам знаю, в тундре бывает, тако худое местечко, кривая берёза рас-тёт, кизевель” [Тарн, Демидовская]), позволяет рассматривать в качестве источника лексемы сочетание коми *кыдз* ‘береза’¹⁵ и луз., н.-вычег., присыктыв., удор. *вевъя*, в.-вычег., в.-сысол., луз.-лет., печор., ср.-сысол. *велъя*, лет. *вел* ‘с преобладанием какого-л. признака или предмета’¹⁶. Локальное заимствование, отмеченное только в д. Демидовская.

3. *Кочей* ‘водоворот на реке, образуемый встречным течением’ (Влг: Бабуш) (Вологодский словарь III, 115), (Влг: Бабуш, Ник) (Карт. Сл. русского Севера), ‘окно воды в болоте’ (Влг: Ник), *кочка* ‘водоворот, яма в реке’ (Влг: К-Г), *кочок* ‘омуток’ (Арх: Котл), *кучей* ‘глубокое место в реке’ (Влг: Ник) (Карт. Сл. русского Севера).

< ? Коми *кёдж*, в.-вычег., вым., удор. *кётиас* ‘излучина реки’¹⁷, ‘выступ берега, образуемый излучиной реки’, ‘залив’, ‘остров, полуостров’, которые соответствуют удм. *кож* ‘залив’, *кож*, *кож* ‘омут в излучине реки, самое глубокое место реки’ (Лыткин-Гуляев, 138). При таком сопоставлении неясны, однако, финики русских лексем: возможно, -*ей* в *кочей* появилось под влиянием russk. *кочей* ‘трясины, покрытая кочками’ (< праслав. *koča (ЭССЯ 10, 103)), а *кочка* и *кочок* представляют собой уменьшительные формы. В связи с русскими лексемами заслуживают внимания также саам. патс. *kè'tš'ib'k* ‘крутая впадина, омут (в озере, реке)’¹⁸, сонгел. *kotsas* ‘широкий плес’¹⁹.

4. *Кόтья* ‘заросший залив’ (Арх: В-Т) (Карт. Сл. русского Севера).

< ? Коми н.-вычег. *кёта* ‘сырой, мокрый’, ср. *кётасьны* ‘мокнуть, намокнуть, промокнуть, взмокнуть; отсыреть’²⁰, которые соответствуют удм. *кот* ‘мокрый, сырой, влажный’, *коттыны* ‘мочить, смочить’ (Лыткин-Гуляев, 143). Локальное заимствование, зафиксированное только в д. Прилук.

5. *Лáпа* ‘сырое вязкое место’ (Влг: Влгд), ‘лужа’ (Влг: Сок) (Карт. Сл. русского Севера).

< Коми, ср. удор. *л'ана* ‘зыбун, трясина; топь’²¹, луз.-лет. *л'анас* ‘вязкая грязь’, *л'апыдин* ‘низина, низменное место’²², которые, вероятно, связаны с *ляпкыд* ‘мелкий, неглубокий’, *ляпкёс*, *ляпыйд* ‘сплюснутый, приплюснутый, плоский’, *ляпкавны*, *ляпкальны*, *ляпкооны*, *ляпкооні* ‘понижаться, понизиться; опускаться, опуститься, оседать, осесть’²³.

6. *Лáпка* ‘участок мелкого кустарника среди поля’ (Влг: Сок) (Вологодский словарь IV, 64).

< ? Коми *ляпкыд* ‘низкий, невысокий’, ср. также присыктыв. *ляп* ‘низкорослый’: *ляп вёр* ‘низкорослый лес’²⁴.

7. *Лáча* ‘низкое сырое место; широкая впадина с отлогими краями, обычно заполненная водой’ (Влг: Бабуш) (Вологодский словарь IV, 66).

< Коми луз.-лет. *ляч*, ср.-сысол., удор. *лячкёс* ‘пологий, отлогий, покатый, некрутой (берег, склон)’²⁵. С тем же источником, возможно, связано *лечág* ‘сырое, топкое место в лесу или на берегу реки’ (Влг: Бабуш) (Карт. Сл. русского Севера), финаль которого оформилась под воздействием зафиксированного на той же территории *бочág* ‘низкое сырое место’ (Карт. Сл. русского Севера). Фонетически близкие карел. твер. *l'äččö*, *l'äčäkkä* ‘плоский, приплюснутый’²⁶ семантически далеки от рассматриваемых лексем и вряд ли могли являться источником заимствования. Соотношение карельских и коми лексем неясно.

8. *Нéйта* ‘заболоченный овраг, лог; узкое длинное болото’ (Арх: Вин) (Карт. Сл. русского Севера).

< Коми в.-вычег., вым., н.-вычег., присыктыв., удор. *няйт* ‘грязь’²⁷, ‘грязь’, ‘грязный’, *няйта* ‘илистый’²⁸. Вокализм первого слога отражает переход *'a* > *e* под ударением, известный севернорусским говорам. Локальное заимствование, зафиксированное только в д. Верхняя Ваеньга и д. Нижняя Ваеньга Виноградовского района. К другому фонетическому варианту того же коми слова (*нять*, *неть* ‘грязь’²⁹) восходит рус. *нят* ‘черный вязкий ил на реке, озере, болоте’, ‘топь, топкое место на дне озера’ (Арх: Мез, Пин), ‘низкий прибрежный луг’ (Арх: Холм) (Карт. Сл. русского Севера)³⁰.

9. *Пóма* ‘заливной луг’ (Арх: Уст) (Карт. Сл. русского Севера).

Если это слово не является упрощением (или неверной фиксацией) *пóйма* (ср. *пóйма* ‘заливной луг; низкая часть луга’ (Яросл,

Костр, Киров, Куйб, Сарат) (СРНГ 28, 353–354)), то оно может сопоставляться с коми *пом* ‘конец’, ‘крайний’³¹, которое употребляется и в географическом значении, ср., например, *сикт пом* ‘конец села’³². В качестве исходной семантики тогда следует предполагать ‘конец, край берега’. Локализм, используемый только в д. Бесстужево.

10. *Пы́рва* ‘родник, ключ’, ‘низкий сырой берег реки или озера, заливаемый водой’ (Арх: Нянд) (Карт. Сл. русского Севера).

< Коми, ср. удор. *му пыр ва* ‘родник, ключ’³³, где *му* ‘земля’³⁴, *ва* ‘вода’³⁵, *пыр* послелог ‘сквозь, через’³⁶, связанный с глаголом *пырны* ‘зайти’ (Лыткин-Гуляев, 237). В отношении семантики, ср. также связанное с тем же глаголом коми язвь. *ва пёром* ‘место, где вода в реке заходит в землю’³⁷. Русское слово отмечено только в д. Лужная и д. Павловская.

11. *Ры́дало* ‘окно воды в болоте’ (Арх: Вин) (Карт. Сл. русского Севера).

< Коми лет. *рыдол*, луз. *рыдов*³⁸, луз.-лет. *рыд*³⁹ ‘зыбун, трясина, топь’, удор. *рыдов* ‘топкая, вязкая грязь; топь’⁴⁰, ср. присыктыв. *рыдны* ‘вязнуть (в снегу, начинающем таять)’, удор. *рыдовтыны* ‘месить, размесить (грязь)’⁴¹. Эти лексемы под “??” сопоставляются с фин. *rentiä* ‘шлепать по грязи, брести по грязи’ при предполагаемом доперм. *r̩öntz- > общеперм. *r̩d- (Лыткин-Гуляев, 246). Для *рыдны* также предполагается возможность производности от *ры* ‘полынь’, в.-вычег. ‘незамерзающее место в водоеме, покрытое слоем снега’, ср. в.-вычег. *рыён бырны (сывны)* ‘растаять на месте’ (так говорят, когда водоем, не имеющий течения, весной освобождается от льда без ледохода, лед под воздействием тепла тает на месте) (Лыткин-Гуляев, 246). Русское слово является локализмом, записанным только в д. Кузнецово.

12. *Сыртйна* ‘сырое заболоченное место’ (Арх: Пин) (Карт. Сл. русского Севера).

Может являться заимствованием из коми в.-вычег., вым., н.-вычег., печор., ср.-сысол., удор. *съорт* ‘речная долина с густым еловым лесом’⁴². Передача коми ё русским ы встречается⁴³. На фонетический облик слова могло повлиять рус. *сырь* ‘заболоченное место с лесом или кустарником’ (Арх: Вель, Карг, К-Б, Нянд, Пин, Уст; Влг: Вож, Ниукс) (Карт. Сл. русского Севера).

13. *Сюлья* ‘ручей’ (Арх: В-Т) (Карт. Сл. русского Севера).

Возможно, связано с коми *сюв*, основа *сювий-* ‘кишка’⁴⁴, которое в эловых диалектах имеет форму *сюл*⁴⁵, соответствует удм. *сюл* при общеперм. *s'ul ‘кишка’ (Лыткин-Гуляев, 273). В основе термина тогда следует видеть метафору, ср., например, рус. *кишка* ‘извилина, излучина реки’, ‘глубокая длинная канава’ (СРНГ 13, 250). Локальное заимствование, зафиксированное только в д. Зaborская.

14. *Ўльга, ѿльда* ‘топкое место на болоте’ (Арх: Мез), *ўльта* ‘сырое заболоченное место’ (Арх: В-Т) (Карт. Сл. русского Севера).

Возникли, вероятно, как преобразования севернорусских (< приб.-фин. (Фасмер IV, 155)) *ўйда* ‘топкое болото; топкое место на болоте’ (Арх: Мез, Прим, Холм), *ўйта* ‘заболоченное место в лесу’ (Арх: Вин, В-Т, Карг, Кон, Леш, Плес, Холм) (Карт. Сл. русского Севера) под воздействием коми в.-сысол., луз.-лет. *ульгом*, печор., удор. *ульыд* ‘сыроватый’, *уль* ‘сырой, влажный, мокрый’⁴⁶. *Ўльга, ѿльда* зафиксированы в д. Мелогора и д. Целегора, *ўльта* – только в д. Волынова.

15. *Чёма* ‘лес на возвышенности’ (Арх: Вил) (Карт. Сл. русского Севера).

Если это слово не является упрощением (или неверной фиксацией) *чёлма* ‘холм, горка; возвышенность, поросшая лесом’ (Арх: Вель, Вил, Шенк; Влг: Бел, В-Уст, К-Г, Ник) (Карт. Сл. русского Севера), то оно может рассматриваться как заимствование из коми *тишем* ‘густой, частый’, *тишем вёр* ‘густой лес’⁴⁷, ср. лет. *тишемвидзыны* ‘стоять стеной (например, о густом лесе)’⁴⁸, которые родственны удм. *чэм* ‘часто, густо, густой’ (Лыткин-Гуляев, 290).

16. Чембўр, ченбўр, чимбўр, чинбўр, чумбўр, чунбўр ‘глубокая яма в лесу – провал в известковом грунте’ (Арх: Плес), ченбўр, чимбár ‘д. то же (Влг: К-Г), чунбár ‘овраг’ (Влг: К-Г), чумбыръ ‘сопка, гора’ (Арх: Он), чембўристый, чимбўристый, чумбўристый ‘неровный, изобилующий ямами, провалами’, чумбўрник ‘неровное место с ямами, провалами’ (Арх: Плес) (Карт. Сл. русского Севера).

< Коми, ср. ижем. чумбу́ръя ‘бугристый, холмистый (о месте)’, присыктыв., ср.-сысол. чумбыр-чамбыркерны ‘смять, скомкать’⁴⁹, также можно отметить в.-вычег. чунгир ‘бугор, возвышение’, чунгиресь ‘бугристый, неровный (о местности)’ (Лыткин-Гуляев, 314), луз.-лет. чунгыр ‘бугор, холм’, чунгыра ‘бугристый, холмистый’⁵⁰. Фонетически наиболее близки данные ижемского диалекта. Семантически сопоставление приемлемо: преимущественный акцент в коми на значении ‘бугор, бугристый’, а в русском на ‘яма, ямистый’ отражают различия в восприятии одного и того же неровного ландшафта.

17. Чурга, чúргра ‘холм, небольшая гора’ (Арх: Шенк) (Карт. Сл. русского Севера).

Может быть заимствовано из коми чурк ‘резко возвышающееся место, бугор’⁵¹, к которому восходят перм. чурк, чурок ‘гора, бугор, возвышенность’⁵², урал. чурок ‘отдельно стоящая конусообразная сопка’⁵³. Неясно, однако, озвончение *rk* > *rg* в середине слова. В гнезде коми чурк такое озвончение встречается в глагольных формах, ср. чургöдны ‘протянуть, выставить’, чургöдчыны ‘высунуться, выдвинуться, сделаться торчащим’ (Лыткин-Гуляев, 314).

В отношении русского слова интересны этимологически не описанные коми лексемы чурга ‘торчащий’ (редко)⁵⁴ и чугра ‘скалистая возвышенность; скалистая гора’⁵⁵. Если они относятся к тому же этимологическому гнезду в коми, то их можно рассматривать как этимины для шенкурских слов. Есть несколько моментов, осложняющих предложенную этимологию. На сопредельной с ареалом чурга, чугра территории зафиксировано чугбр ‘горка, бугор’ (Арх: Вель; Влг: В-Важ) (Карт. Сл. русского Севера). По данным картотеки СРНГ, вне этой зоны слово в русских диалектах не отмечено. Возможно, чугбр представляет собой форму м.р. к чугра по аналогии с рус. диал. угбр ‘возвышенность, горка’, отмеченным в том числе и в Вельском районе (Карт. Сл. русского Севера). Если же первична форма чугбр, то чурга, чугра либо не имеют к ней отношения, либо являются вторичными образованиями ж.р. и не связаны с коми словом. Следует также рассматривать возможность появления в результате мены л/р формы чугра (> чурга) из чугла ‘возвышенность, холм’ (Арх: Вель, Шенк; Влг: В-Важ, Тарн) (Карт. Сл. русского Севера), которое, по мнению А.К. Матвеева, заимствовано из какого-то финно-угорского (мерянского или северофинского) источника⁵⁶. В отношении всех упоминавшихся слов нельзя исключать возможности разного рода контаминаций: чугла + угбр = = чугбр > чугра > чурга или чугла + коми чурк, чурга = чурга, чугра > чугбр и т.п.

Если сопоставить коми и прибалтийско-финский пласти в географической терминологии Русского Севера, то в оппозиции “запад – восток” ситуация выглядит следующим образом: в прибалтийско-финских языках достаточно мало (не более пяти-шести десятков) заимствованных из русского географических терминов, в то время как в русских диалектах географических лексем прибалтийско-финского происхождения очень много (несколько сотен)⁵⁷; в русских диалектах незначительно количество коми географических терминов (около трех-четырех десятков, учитывая лексемы, представленные в статье), в то время как в коми, по нашим данным, насчитывается около трехсот слов с географической семантикой, заимствованных из русского языка⁵⁸. С одной стороны, это подтверждает мысль А.И. Попова о том, что “в согласии с направлением многовековой русской колонизации севера и северо-востока Европы и севера Азии заимствования из местных языков распространялись в том же направлении, так что слово, вошедшее в соответствующий говор русского языка, например, из языка коми, легко распространялось вместе с колонизационным потоком вплоть до русских восточно-сибирских говоров, но почти никогда не имело обратного продвижения к югу и западу”⁵⁹. С другой стороны, ассиметрия связей русских диалектов с прибалтийско-фин-

скими языками и языком коми может находить объяснение в различных условиях контактов: прибалтийско-финские народы, безусловно, жили на Русском Севере до прихода русских и являются аборигенным населением края, в то время как коми, вероятно, осваивали некоторые территории Европейского севера России или одновременно с русскими или даже вслед за ними, и потому именно у русских заимствовали географическую терминологию, уже адаптированную к реалиям Русского Севера. Тот же вывод об относительной хронологии продвижения коми и русских при анализе полукаlek на территории Мезени и Лешуконья делает М.Л. Гусельникова, которая полагает, что “во многих случаях происходило не заселение русскими зырянских территорий, а одновременное освоение русскими и зырянами иноплеменных земель..; для Русского Севера можно предположить едва ли не более ранний приход русских, а вслед за ними – зырян”⁶⁰.

Вероятно, именно с описанными особенностями миграционного движения коми и русских в пределах Русского Севера связана география заимствованных из коми географических лексем. Большинство из них узко локальны, отмечены в диалектах одного-двух населенных пунктов. В целом ареал географической лексики коми происхождения в Архангельской области можно обозначить как правобережье р. Северная Двина от впадения в нее р. Вычегда до устья р. Пинега и на восток вплоть до границ с Республикой Коми; на севере крайней западной границей является река Кулой. На левобережье р. Северная Двина коми заимствования в географической терминологии единичны, случайны (или неверно интерпретированы в качестве таковых?): *пырва* (Няндомский р-н), *чумбырь* (Онежский р-н), *чумбур* (Плесецкий р-н). В Вологодской области отдельные лексемы, для которых можно предполагать коми происхождение, встречаются в юго-восточном регионе, северо-западной границей которого является река Сухона, т.е. не проникают на левобережье Сухоны. Почти все они здесь точечны, зафиксированы в отдельных населенных пунктах. Таким образом, граница распространения географической терминологии коми происхождения совпадает с главной водной артерией региона: р. Сухона, сливаясь с р. Юг, образует р. Северная Двина. Западнее этого водного рубежа коми влияние фактически не обнаруживается. Думается, такое совпадение лингвистических и естественных границ неслучайно и обосновано экстралингвистически: скорее всего р. Сухона и р. Северная Двина служили крайними рубежами экспансии коми.

При том, что не следует преувеличивать значение коми заимствований для всего Русского Севера, необходимо при интерпретации заимствованной лексики в севернорусских диалектах уделять более

пристальное внимание выявлению локализмов коми происхождения, распространенных в указанной выше зоне. Отличаясь точечным ареалом и, следовательно, небольшим количеством фиксаций, эта лексика трудно уловима как для собирателей (большинство из представленных в статье лексем удалось зафиксировать только благодаря скрупулезности работы Топонимической экспедиции Уральского университета, правилом для которой является обследование каждого населенного пункта), так и для этимологов (материал не отражен или весьма фрагментарно отражен в лексикографических источниках, в силу небольшого количества фиксаций трудны разработка семантики и определение точного фонетического облика).

Примечания

- ¹ См.: *Kalima J. Syrjänisches Lehngut im Russischen.* FUF, XVIII. Helsinki, 1927, 1–56.
- ² О случаях такого рода, например, о фиксации как заимствований лексем, употребляющихся в русской речи вепсами, см.: *Мызников С.А.* Атлас субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада. СПб., 2003, 27.
- ³ Этимологию см.: *Kalima J.* Op. cit., 18–19; Фасмер I, 312.
- ⁴ Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961, 29.
- ⁵ Коми-русский словарь / Ред. В.И. Лыткин. М., 1961, 475.
- ⁶ Там же, 477.
- ⁷ *Wiedemann F.I. Syrjänisch-deutsches Wörterbuch nebst einem Wotjakisch-deutschen im Anhange und einem deutschen Register.* SPb., 1880, 1.
- ⁸ *Wichmann Y. Syrjänischer Wortschatz nebst Haupzügen der Formenlehre / Bearb. von T.E. Uotila.* Helsinki, 1942. (LSFU, VII), 2.
- ⁹ Коми-русский словарь, 20.
- ¹⁰ Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов, 9. Этимологию см. подробнее: Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера. Вып. 1. А.-И. Екатеринбург, 2004, 24.
- ¹¹ Коми-русский словарь, 116. Этимологию см. подробнее: Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера, 89.
- ¹² Безносикова Л.М., Айбабина Е.А., Коснырева Р.И. Коми-русский словарь. Сыктывкар, 2000, 116. Этимологию см. подробнее: Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера, 97.
- ¹³ Мищенко О.В. Лексика лесных локусов в говорах Русского Севера. Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2000, 124.
- ¹⁴ Лыткин В.И. Коми-язывинский диалект. М., 1961, 170.
- ¹⁵ Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов, 185.
- ¹⁶ Там же, 41.
- ¹⁷ Там же, 169.
- ¹⁸ *Itkonen T.I. Koltan- ja Kuolanlapin sanakirja.* Helsinki, 1958. О. 1–2. (LSFU, XV), 113.
- ¹⁹ Там же, 181.
- ²⁰ Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов, 173.

- ²¹ Сорвачева -В.А., Безносикова Л.М. Удорский диалект коми языка. М., 1990, 189.
- ²² Жилина Т.И. Лузско-лесский диалект коми языка. М., 1985, 179–180.
- ²³ Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов, 214.
- ²⁴ Там же, 213–214.
- ²⁵ Там же, 11.
- ²⁶ Пунжина А.В. Словарь карельского языка (тверские говоры). Петрозаводск, 1994, 149.
- ²⁷ Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов, 254.
- ²⁸ Коми-русский словарь, 478.
- ²⁹ Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов, 254.
- ³⁰ Этимологию см.: Матвеев А.К. Материалы для словаря финно-угро-самоедских заимствований в говорах русского Севера // Этимологические исследования. Вып. 6. Екатеринбург, 1996, 253.
- ³¹ Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов, 291.
- ³² Безносикова Л.М., Айбабина Е.А., Коснырева Р.И. Указ. соч., 512.
- ³³ Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов, 226; Сорвачева В.А., Безносикова Л.М. Указ. соч., 205.
- ³⁴ Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов, 226.
- ³⁵ Там же, 35.
- ³⁶ Там же, 312.
- ³⁷ Лыткин В.И. Указ. соч., 93.
- ³⁸ Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов, 133.
- ³⁹ Жилина Т.И. Указ. соч., 220.
- ⁴⁰ Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов, 326.
- ⁴¹ Там же, 326.
- ⁴² Там же, 357.
- ⁴³ См.: Kalima J. Op. cit., 12.
- ⁴⁴ Безносикова Л.М., Айбабина Е.А., Коснырева Р.И. Указ. соч., 628.
- ⁴⁵ Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов, 359.
- ⁴⁶ Там же, 398.
- ⁴⁷ Коми-русский словарь, 701.
- ⁴⁸ Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов, 385.
- ⁴⁹ Там же, 420.
- ⁵⁰ Жилина Т.И. Указ. соч., 251.
- ⁵¹ Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов, 421.
- ⁵² Кривоцекова-Гантман А.С. Коми-пермяцкие заимствования в русских говорах Верхнего Прикамья // Этимологические исследования. Вып. 2. Свердловск, 1981, 51.
- ⁵³ Матвеев А.К. К изучению орографической терминологии в русских говорах Северного Урала // Севернорусские говоры в иноязычном окружении. Сыктывкар, 1986, 65–66.
- ⁵⁴ Безносикова Л.М., Айбабина Е.А., Коснырева Р.И. Указ. соч., 714.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ См. подробнее: Матвеев А.К. Топонимические этимологии. XIII // Ономастика и диалектная лексика. Екатеринбург, 1999, 52.
- ⁵⁷ О многих из них см.: Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsinki, 1919. (MSFOu, XLIV).
- ⁵⁸ О многих из них см.: Kalima J. Die russischen Lehnwörter im Syrjänischen. Helsingfors, 1911. (MSFOu, XXIX); Лыткин В.И. Фонетика северновеликорусской

- ских говоров и заимствования из русского языка в комиjsкий // Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. 2. М.; Л., 1949, 128–201.
- ⁵⁹ Попов А.И. Из истории славяно-финно-угорских лексических отношений // Acta linguistica Hungaricae. Т. 5. Budapest, 1955, 3.
- ⁶⁰ Гусельникова М.Л. Полукальки в топонимии русского Севера. Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1994, 233.

Сокращения

1. ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ

Арх	– Архангельская область (губерния)
Бабуш	– Бабушкинский район Вологодской области
Бел	– Белозерский район Вологодской области
В-Важ	– Верховажский район Вологодской области
Вель	– Вельский район Архангельской области
Вил	– Вилегодский район Архангельской области
Вин	– Виноградовский район Архангельской области
Влг	– Вологодская область (губерния)
Влгд	– Вологодский район Вологодской области
Вож	– Вожегодский район Вологодской области
В-Т	– Верхнетоемский район Архангельской области
В-Уст	– Великоустюгский район Вологодской области
Карг	– Каргопольский район Архангельской области
К-Б	– Красноборский район Архангельской области
Киров	– Кировская область
К-Г	– Кичменьско-Городецкий район Вологодской области
Кон	– Кондопожский район Архангельской области
Костр	– Костромская область
Котл	– Котласский район Архангельской области
Куйб	– Куйбышевская область
Лен	– Ленский район Архангельской области
Леш	– Лешуконский район Архангельской области
Мез	– Мезенский район Архангельской области
Ник	– Никольский район Вологодской области
Нюкс	– Нюксенский район Вологодской области
Нянд	– Няндомский район Архангельской области
Он	– Онежский район Архангельской области
Пин	– Пинежский район Архангельской области
Плес	– Плесецкий район Архангельской области
Прим	– Приморский район Архангельской области
Сарат	– Саратовская область
Сок	– Сокольский район Вологодской области
Тарн	– Тарногский район Вологодской области
Уст	– Устьянский район Архангельской области
Холм	– Холмогорский район Архангельской области
Шенк	– Шенкурский район Архангельской области
Ярен	– Яренский уезд Вологодской губернии
Яросл	– Ярославская область

2. ИСТОЧНИКИ

Карт. Сл. Русского Севера – Картотека Словаря говоров Русского Севера (хранится на кафедре русского языка и общего языкоznания Уральского госуниверситета)

Т. Тодоров

ОТНОСИТЕЛЬНО ПРОИСХОЖДЕНИЯ БОЛГАРСКОГО ОРНИТОНИМА *СИНИГЕР* ‘ПТИЦА PARUS’

Ст. Младенов в своем “Этимологическом и орфографическом словаре болгарского книжного языка” объясняет болг. *синѝгер* ‘сицица, птица *Parus*’, устар. *синѝгир*¹, как производное от прилаг. *син* ‘синий’ и сравнивает с russk. *синица*. Как производное от прилагательного *син* он рассматривает и болг. диал. *синѝца* ‘сицица’². Добавлю, что болг. диал. *синѝца* и рус. *синица* имеют соответствия в других славянских языках (ср. Vasmer II, 626–627).

Объяснение Младенова безусловно в семантическом отношении. Синий цвет встречается в оперении многих видов семейства Синицевых (*Paridae*), и естественно воспринимать его как характерный ономасиологический признак. В поддержку семантики болг. *синѝгер* как производного от прилагательного *син* ‘синий’ср. и чеш. *modřinka* ‘лазоревка, *Parus coeruleus*’ (производное от прилагательного *modrý* ‘синий’) и (с тем же значением) рус. *лазоревка* (производное от прилаг. *лазóревый* ‘лазурный, небесно-голубой’), нем. *Blaumeise* (словосложение из *blau* ‘синий’ и *Meise* ‘сицица’). Слабым местом толкования Младенова является отсутствие убедительного объяснения словаобразовательной структуры слова *синѝгер*. Именно это, прежде всего, побудило Ив. Дуриданова написать его статью “Болг. *синигер*”³, в которой он предложил совсем другое объяснение происхождения слова *синигер*.

Согласно Дуриданову, в младеновском объяснении слова *синигер* как производного от *син* “остается неясной структура слова”. Он недоумевает, что может означать “элемент -*gir*, соотв. -*гер*”, и приходит к заключению, что “такого суффикса нет в славянском”. Отмечу, что в сущности, следует говорить не об “элементе” -*gir*, соотв. -*гер*, о об “элементе” -*игир*, соотв. -*игер*. Дуриданов не без основания утверждает, что Младенов “прав, когда принимает (это слово) за старинную форму на -*ip*”, и подробно объясняет, почему: “перед -*e*- согласный -*g-* перешел бы по закону первой палatalизации *k*, *g*, *x* в -*ж-*, в то время, как сохранение -*g-* предполагает ст.-болг. -*ы-*”.